

ПРОЗА

Ксения Чижикова. Обычная история. Повесть

«Меня зовут Константин. Как императора, да. Это первое, что я обычно говорю. С этого, наверное, и надо начать.»

Вообще-то я не особенно планировал рассказывать эту историю, и уж точно не планировал рассказывать ее сам. Я из тех, кто обычно болтается на втором плане, мелькает в массовке. Уж точно не из тех, кто выходит на первые роли и хвастается перед зрителями своим мастерством рассказчика.

Так вот. Меня зовут Константин. Логично, не правда ли? Первым делом назвать свое имя. Надо же как-то обращаться. Эй, вы, – это долго не работает. Позвольте, подождите – это работает, но так уже никто не говорит. Помогите мне – так вообще никто не начинает фразу. И правильно делает. В нынешние дни никто не любит, когда их просят о помощи...»

Сергей Морейно «Хиршберг» и др. рассказы

«Последние четыре месяца часто хандрю. Во-первых, осень, которая перешла в зиму, но лучше от этого не стала. Во-вторых, все как-то резко обрыдло. Слякоть-серятина, и невозможность ее на что-либо поменять, на желто-зелено-красное, давно ничего такого не менял и забыл, как делается. Проще говоря, лень менять и даже мыслить об обмене лень. Мысль как бы накручивается вокруг двух полюсов, выписывая восьмерки. И у спокойного полюса идет временное затишье. Кажется, все нормально, устаканилось все, но иным часом накатит, вспомню то одно, то другое. И сразу откат к беспокойному. А потом – в самый, казалось бы, ничего не значащий момент – внезапно обратное: будто кто-то обнял меня теплыми пуховыми лапами и согрел до самого внутри, до легких, до пищевода. Тогда отпускает...»

Марат Серажетдинов. Голипэ. Рассказ

«В тот день Катерина так и не доехала до меня. А через два я лег в больницу. Завещание не оставил, но код от банковской карты на всякий случай сообщил товарищу, мало ли. Я мог лечь в отдельную палату, за деньги, но захотелось к народу. Одинокая холостяцкая жизнь достала, нужна была смена обстановки, новые люди и впечатления. Это все хорошо, но где я буду курить, ведь в больницах курить запрещено? Я сдал на спецхранение куртку, ботинки, шарф, шапочку, и прежняя жизнь стала уходить у меня из-под ног: обратно дороги нет. И еще для пары человек дороги назад не стало, мы поступили в распоряжение сопровождающей...»

Настя Верховенцева. На той горе света. Рассказ

«Мы проходим мимо большой звездной пыли Северное сияние – выкинутой наверх спутниковой антенны из центра города – или, ещё говорили, мерцающей горы, чтобы нас наконец-то увидели и нашли. Вокруг утренний туман раскладывает свои широкие плечи. Я держу в одной руке серебряные от инея камушки, во второй – дрожащие пальцы бабушки. Северное сияние мерцает в глазах. Бабушка смотрит в самое сердце Большой Свиньи, и из неё испускает дух, как пар, наше озеро: – Прости меня, Праский, я так перед тобой виноват...»

Сергей Вараксин. Атланты и кариатиды. Рассказ

«Дверь открылась и, вместе с клубами пара, из парилки вывалились Санька и Катька. Катька оказалась спортивной, коротко стриженной девушкой за метр

восемьдесят ростом, с крепкими острыми грудками и широченными, как у пловчих, плечами. Она хохотала и коленкой подталкивала вперёд упирающегося малыша Саньку. Санька, как сам он представлялся, был «симпатичный карманный мужчина в полном расцвете лет». Санька прибеднялся, конечно, его бы даже в армию взяли с удовольствием, всего семь сантиметров не хватило...»

ПОЭЗИЯ

Ян Махонин. «человек истинный...» и др.

«нелегко гражданам / и их жёнам // обанкротился / мир кожи и меха // слово слава / в распродаже // торговца правдой / поймали на краже»

Владимир Ермолаев. Ясный день

«октябрьской ночью / в ярком свете ламп // блестят / ионические колонны // отшлифованы так гладко / будто покрыты лаком // воздвигнуты в честь юбилея / мудрого решения // принятого шестнадцать / сотен лет назад // а годом ранее / ошибся узурпатор // и в бежевых столбах / отражена судьба // поверившего / ложным знакам // лгут предсказатели // на вражеских щитах / знак верный // и меч лишает тело / головы // враг издаёт эдикт // и мраморные леденцы / встают // в тени платанов // поверхность мрамора / блестит как лак рояля // но пьеса сыграна // ночь тишина // и надпись // с именем врага // свободно тянется / по архитраву»

Евгений Малякин. Последняя песенка

«Единственный голос бога, говорят, тишина / – тишина, когда убивает себя страна / и нет ничего, чтоб под горку катилось горе, / мертвая зыбь, горы соли на мертвом море / горы боли, когда – ничья или всех вина. // Единственный голос смерти, говорят, смех / – смех, когда мыши хоронят льва и поют песни, / падает снег в тиши, все убивают всех, / а единственный голос бога – исчезнет»

Алексей Александров. «Дремлет в порванном чулке...» и др.

«Дремлет в порванном чулке / Луковица золотая. / Рыба плавает в реке, / Над рекой сова летает. // Рыба, словно это мышь, / От неё нырнула в норку. / На снегу следы от лыж, / И река воняет хлоркой. // Даль по-прежнему темна, / Зарастают сорняками / Окна. Серая стена / Не меняется веками, // Смотрит на тебя в упор, / Не даёт закончить фразу, / Словно это тот забор / Из известного рассказа».

Сергей Трафедлюк. Бррр Бррр

«Хочешь в жизни перемен? / Покупай себе ремень! / Новогодняя акция в магазине «Студия ремней» – / уверенно раздаётся в июне голос на остановке // Но хочет ли он сам перемен? // Голос обрывает ещё одна песня / в которой Россия рифмуется с красиво // А пару лет назад из колонок / вплетаясь в гул транспорта / звучали записи птичьих трелей // Зачем? – думал тогда / Зачем улетели в другие края? – думаю сейчас»

Екатерина Жилина. «Место 404, маршрут или комната...» и др.

«...и прочь / [ни словом, ни взглядом] / Ждёшь ли кого? – Да! / Обнял бы сзади, / Невидимый, / покуда не оборотит / глазами к глазам // Усталь ростепели / веки тяжелы, источено, / прорезжено, насквозь / дыряво то, / что из укладки / развернёшь увидать, / при той поре, / когда вплотную – / об нём заране знаешь – / зайдёт то, от чего / отворотиться лъзя, / и всё же – / никак не можетя, / когда / спасённому / не быть»

NON-FICTION

Григорий Беневич. Страницы семейной истории

«Я обращаюсь к прошлому своей семьи и своих предков не из праздного любопытства и не как историк, но чтобы хотя бы что-то понять и в своей собственной истории, и в преломленной в жизни нашей семьи истории России. Записи носят случайный характер. Могут быть повторения и даже разночтения. Некоторые отрывки слегка беллетризованы. Первая часть записей сделана еще при папиной жизни...»

АРХИВ

Юрий Неводов. Память сердца. Книга о Борисе Семеновиче Неводове. Публикация Натальи Неводовой

«От публикатора: С трепетом и волнением представляю читателям эту драгоценную рукопись, которая больше тридцати лет бережно хранилась в семейном архиве Неводовых. «Память сердца» – удивительный документ, в котором соединились профессиональное мастерство литературоведа и сыновняя любовь».

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Об Анне Альчук. Материал подготовила Татьяна Данильянц

«В 2025 году Анне Альчук, поэтессе, художнице, куратору, исследовательнице феминизма и женского движения, исполнилось бы 70 лет. С нами ее нет уже 17 лет.

Мы попросили ответить на несколько вопросов ее друзей и коллег, тех, кто знал и ценил Анну...»

Александр Марков, Оксана Штайн. Последний питерский денди: стихи, смерть и рок-н-ролл. Памяти Анатолия Джорджа Гуницкого

«В истории русской культуры второй половины XX века Анатолий Гуницкий занимает особое место – между официальным искусством и андеграундом, между медициной и метафорой, между рок-н-роллом и театром абсурда. Его творчество, как и сама биография, строилось на осознанном отказе от канонов: не завершив медицинское образование, он ушёл в театроведение, а затем – в мир рок-поэзии и литературного авангарда...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена Наливаева. Воротца времени

О кн.: Алексей Ильичёв. Праздник проигравших

Александр Марков. Постлирический проект: собачки минус лай плюс нежность

О кн.: Закаблуконская Юлия. И маленькие гладкие собачки